

УДК 130.2

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВИЧЕ ИВАНОВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

С.Г. Сычева

Томский политехнический университет

E-mail: svetsych@mail.ru

Показано, что творческие отношения между А. Белым и В.И. Ивановым были противоречивыми: с одной стороны, оба признавали необходимость «сотворчества», с другой – постоянно и жестко полемизировали по теоретическим вопросам символизма.

Ключевые слова:

Символизм, творчество, полемика.

Key words:

Symbolism, creativity, polemics.

Русский символизм Серебряного века – важное и значительное явление культуры России конца XIX – начала XX вв. Изучение этого феномена проясняет многие аспекты жизни общества того времени. Цель статьи – исследовать один малоизученный сюжет: сотворчество двух ведущих теоретиков символизма – А. Белого и В.И. Иванова с точки зрения их вклада в развитие эстетики.

Отношения между А. Белым и В. Ивановым были непростыми: они часто полемизировали, иногда прерывали общение друг с другом. Были случаи поддержки и понимания. Данная статья имеет целью сделать несколько «слепков» с этих отношений и дать ответ на некоторые вопросы теории символистского творчества.

Начнем с одного из знаменитых произведений Андрея Белого – романа «Петербург» [1]. Известно, что название ему дал Вячеслав Иванов. Известна статья В. Иванова «Вдохновение ужаса» (о романе Андрея Белого «Петербург») [2]. Остановимся на ней подробнее.

Отношение В. Иванова к этой книге амбивалентно. С одной стороны, он называет ее несовершенной, уродливой, неумелой и безвкусной, упрекает в бесталанном подражании Ф.М. Достоевскому, но тут же пишет: «И все же я не хотел бы, чтоб в этом полухаотическом произведении была изменена хотя бы одна йота» [2. С. 619].

Роман, по словам В. Иванова, лежит вне понятий эстетики, и трудно оценить его с этой точки зрения: прекрасное и безобразное переплетены в нем столь тесно, что складываются в «красочный морок» [2. С. 619], в своем роде неповторимый.

А. Белый словно хочет сообщить «откровение» [2. С. 620] людям, но важнее то иррациональное, «что вулканически метнулось из его души долгим призрачным пожаром тысящеветного марева» [2. С. 620].

Критически относится В. Иванов к отсутствию хотя бы намека на политическую ситуацию в России 1905 г. Но даже не это – главный недостаток. В отличие от Ф. Достоевского, – подчеркивает В. Иванов, – «Андрей Белый Русь Святую, «Россию Христа» исповедует, но не являет, думается, бессилен явить» [2. С. 620].

В. Иванов подчеркивает темноту и немощность писаний А. Белого. Россия для последнего пребывает в области Нирваны, а Нирвана для героя романа – «ничто» [2. С. 621]. Согласно В. Иванову, А. Белый внерелигиозен: хотя он знает и чувствует божественное, в его романе мелькает образ «печальный и длинный, с костенеющими пальцами» (слова А. Белого – С.С.): символ ужаса и тоски. Как достоинство В. Иванов подчеркивает некую стабильность, стержень романа, который будет положительно воспринят потомками, несмотря на свой хаотизм и душевное «маревое» [2. С. 622]; В. Иванов даже называет «Петербург» поэмой и пишет о том, что она войдет в историю русской культуры и народного слова.

С одной стороны, В. Иванов отмечает, что роман символичен: сквозь субъективные переживания главного героя видны исторические пути страны, современной рассказчику. С другой стороны, он пишет, что во всем описании Петербурга отражается «ужас» – в очертаниях домов, в водах Невы, в памятниках, крепостях, дворцах, канавах, тенях, каретах, толпах людей. Концентрируется это «вдохновение ужаса» в описании бомбы «с заведенным часовым механизмом» [2. С. 623].

Бомба взорвалась, к счастью, никто не пострадал, и на первый взгляд, не произошло ничего особенного. Однако если пристально всмотреться в текст, то станет видно, что «Тут собрались все нервные нити ужаса в один центр. Террор сына и реакция отца – одно и то же: это абсолютный, мистический нигилизм» [2. С. 627].

По поводу «панмонголизма», о котором писал еще В.С. Соловьев, и идея которого фигурирует в романе, В. Иванов замечает, что эллины называли бы А. Белого «пророчествующим от «Ужаса»». Со ссылкой на Платона («Федр») [3] В. Иванов упоминает различные виды пророчеств: «от Аполлона», «от Диониса», «от муз», от «Эроса». А. Белого В. Иванов называет «одержимым от Ужаса» [2. С. 628]. В его воображение вселяет идеи сама Горгона, все превращающая в камень. В конце статьи В. Иванов называет А. Белого «русским по-этом метафизического Ужаса» [2. С. 629].

Неповторимый художественный стиль и философско-поэтическая символика, на наш взгляд, могли бы получить благодарный и положительный отзыв от соратника и друга. К сожалению, этого не произошло. Вместо этого, перед нами — глубоко критическая статья, в которой лишь завуалировано видно восхищение творческим талантом поэта.

«Петербург» был написан в 1913–1914 гг., но общению поэтов предшествовала десятилетняя история, полная драматизма и резких споров. Один из них — полемика по поводу «Химер» А. Белого на страницах журнала «Весы» [4]. И если в ходе этой дискуссии А. Белый подчеркивает, что не хочет «полемизировать», то дальнейшие отношения двух поэтов развиваются именно в этой, дискуссионной, плоскости.

Обратимся к публикации Е.В. Глуховой «Разрозненных черновых материалов к статье А. Белого «Вячеслав Иванов»» [5. С. 115–132]. Скажем несколько слов о предисловии к публикации, написанной Е.В. Глуховой и названной «Андрей Белый–Вячеслав Иванов: концепция духовного пути» [6. С. 100–114].

Черновая статья А. Белого о В. Иванове была написана в конце 1917 г., в условиях послереволюционного хаоса. А. Белый стремится связать воедино разные стороны многогранного творчества В. Иванова: он пишет о «филологе», о «философе» и о «поэте» [6. С. 100].

В этот период поэты общались мало, и немного осталось документальных «следов» их отношений. Е. Глухова пишет, что они были уже не такими дружескими, как в Петербурге начала века. Разлад наметился в 1912 г., после сближения А. Белого с Р. Штайнером. Как показывают хроники, В. Иванов пытался попасть в круг людей, приближенных к немецкому мистiku, слушать его лекции. Р. Штайнер отказал. В. Иванов просил повторно, но, по словам Аси Тургеневой, последовала резкая отповедь без указания причин.

Отказ сильно задел В. Иванова, и 22 декабря 1912 г. в письме к Метнеру заметил: «Символизм мешать со штайнерьянством заведомо не хочу. Мой символизм (говоря о теориях) есть теория только эстетическая. Теософические опыты с искусством (в лучшем смысле слова) мне не симпатичны» [6. С. 105].

В книге воспоминаний «В начале века» [7] А. Белый будет писать о неоднозначном характере личности В. Иванова: «Сидит перед тобой какой-то Христос самозванный; глядь — нос в табаке: старый провинциальный немецкий учитель <...> и вдруг <...> спокойная ясность наследника Гете; поверил в него, и — опять все забылось» [6. С. 111].

В письме А. Белого к В. Иванову, которое, скорее всего, не было отправлено (конец марта 1917 г.), А. Белый довольно резко подчеркивает расхождение между собой и ним: «мы можем дружески обмениваться «точками зрения», но разговор между нами никогда не дойдет до дела... Этого между нами быть не может; ты можешь исповедо-

вать христианство; я — то же; мы можем обмениваться умнейшими «точками зрения»; эти обмены мнений «для меня» (как) бы ты ни был чуток и «проникновенен» будут лишь «ананасом в шампанском»... Мне претит Твоя жизнь, поскольку извне ее созерцаю без *Любви*, без *Жертвы*... Где подвиг Твой? Где жертва Твоя? <...> Вы — «буржуи» — это мне ясно. Нет у Вас пути, нет у Вас правды, нет у Вас подвига!» [6. С. 114].

Е. Глухова указывает на то обстоятельство, что к 1919 г. отношения между двумя поэтами совсем охладели, в частности, потому, что А. Белый подозревал В. Иванова в сотрудничестве с революционными властями [6. С. 115].

Как автор статьи, выражаю глубокую благодарность Е.В. Глуховой за публикацию материалов, до сих пор мало кому известных, и хотя в ее предисловии к публикации нет «концепции» «духовного пути», как заявлено в названии, она содержит большой объем интересной и важной информации. Большое ей спасибо.

Обратимся непосредственно к тексту А. Белого, представляющему собой черновик статьи «Вячеслав Иванов».

А. Белый выделяет три «лика» В. Иванова: «Иванов первый» — «пророк Диониса», «Иванов второй» — «эзотерический мистик» и «Иванов третий — гностик повернутый (на себя самого)» [5. С. 118–119].

А. Белый пишет, что у В. Иванова «Бог — в «многобожии», а «многобожье» — в «безбожии» хладного «субъекта познания»; раздвоения «Я» на убийцу и жертву гнетет безвоскресно *философа*... и сильнейшею нотой плачущих песен Иванова-лирика... выступают мотивы отчаяния, агностицизма и скепсиса» [5. С. 119].

Трем маскам В. Иванова (поэт, филолог, философ) — соответствуют три части души (чувство, воля, ум). А. Белый показывает, что В. Иванов чем-то похож на Сократа, которому в темнице являлся голос, предлагающий заняться музыкой. А. Белый пишет о трагедии В. Иванова, которая состоит в том, что его «истерзавшая себя душа» «сократического эклектика» пытается совершить акт ясновидения, но не может [5. С. 121].

Трагедия культуры, отразившаяся в стихах В. Иванова, в том, что мы стоим на пороге новой культуры, которую еще не видим, а старую уже не принимаем. По поводу теории В. Иванова о «восхождении», «нисхождении» и «погружении в хаос» души художника в процессе творчества А. Белый замечает, что, когда гений поэта поднимается вверх, душа его должна опуститься в «темную бездну», чтобы «испытать смерть в себе старых культурных ценностей — иначе погибнет без воскресения».

Обыгравая название поэмы В. Иванова «Младенчество» [8], А. Белый пишет: «в нем «пламенный ребенок» (духовное «я»), может быть, проберется сквозь [призраки] марева зданий, воздвигнутых Вячеславом Ивановым, магом <...> По лабиринту бредет Вячеслав Иванов — младенец через...

себя самого: и к Себе Самому, оглашая тяжелые своды словесной риторики «песнями из лабиринта» [5. С. 128].

А. Белый сравнивает В. Иванова с Фаустом, который чуть было не выпил чашу с ядом, чтобы слиться с тайнами природы, но передумал, услышав Пасхальный благовест. А. Белый надеется, что душа Вячеслава Иванова, которая покоится в его теле как «куколка», долженствующая превратиться в «бабочку» духа, позволит ему, наконец, слагать не абстрактную, а светлую и подлинную, поэзию [5. С. 129].

Из текста черновика статьи А. Белого «Вячеслав Иванов» видно, что отношение первого ко второму более чем критическое: его можно современным языком сформулировать так: не в абстрактных схемах и не в тяжеловесной фольклорной речи содержится истина искусства; «филолог» и «философ» мешают поэту раскрыться, облегчить, гармонизировать свое пение. Но, может быть, когда-нибудь Вячеслав Иванов «прозреет» и создаст подлинную поэзию.

Эта тема продолжается в книге А. Белого «Сирин ученого варварства» (1922 г.). А. Белый пишет: «Вся «Прозрачность» — нежнейшая лирика мысли и диссертация образов» [9. С. 3]. По поводу поэтического стиля В. Иванова А. Белый замечает: «его книги проходят перед взором причудливым замыслом, напоминая слонов, изукрашенных золототкаными пологам и влекущих увесистый шаг своих ритмов по инкрустациям слов» [9. С. 5].

Однако основная тема книги «Сирин ученого варварства» — книга В. Иванова «Родное и Вселенское» [10], где он высказывается, в том числе, и по социальным вопросам.

А. Белый восклицает: «Варварский Дионис Минотавр укусил его не теперь, а давно. В пролипании крови он видит *«торжественнейшее»* определение воли народной» [9. С. 10]. И далее: «Варварский Дионис (Каннибал) им вводимый кошунственно в христианские представления, воскресает в последней написанной книге («Родное и вселенское» — С.С.) — призывом к нечеловеческой войне народов; призывом к ужасному делу, которое называет «вселенским» он... «С нами крест Христов» — восклицает Иванов; я думаю, что это не крест Христов, а топор каннибала, им когда-то возглавленный в дионисийской теории» [9. С. 23–24].

Как видно из этого текста, А. Белый не может признать идею В. Иванова о том, что дионисийские мистерии являются прообразом тех «хороводов», которые должна водить «толпа», под звуки дионисийской музыки с тем, чтоб свершилась мистерия века. Надо сказать, что «дионисизм» В. Иванова, который он пытался привить на православной почве, не могли принять ни Н. Бердяев, ни Д. Мережковский, — не только А. Белый.

На наш взгляд, дионисизм В. Иванова можно признавать до той поры, пока он утверждает происхождение христианства, в том числе, из дионисийских мистерий. Однако когда он начинает по-

пытки внедрения древнегреческого обряда в русскую действительность, это, можно сказать, является неправомерной экстраполяцией с теоретического конструкта на денотат. В творческой фантазии может быть многое, но столкновение фантазмов с реальностью может быть губительно как для фантазмов, так и для реальности.

По тексту нашей статьи может сложиться впечатление, что А. Белый сугубо критически относится к творчеству В. Иванова. Но А. Белый прекрасно понимал необходимость творческого соучастия. В письме к А. Блоку 13/16 апреля 1911 г. А. Белый пишет из Одессы: «Для меня несколько человек обведены магическим кругом; в ссоре я с ними, или нет — они в общем круге. В числе этих немногих — Вячеслав и Ты. Оттого-то душно и грозно мне, когда мы в ссоре; в дружбе ли, в ссоре ли — все одно: мы в одном круге; а если круг обведен, лучше быть в дружбе; тяжело плыть с врагом в одной каюте, на одном корабле; а мы вместе плывем...» [11. С. 397]. Отношения были непростыми, но А. Белый осознавал, что В. Иванов тот «маяк», который в ночи светит, и к которому надо идти, тогда спасешься.

Однако полемика между символистами разгоралась снова и снова. Если заглянуть назад, то еще в 1907 г. А. Белый и В. Иванов фактически не общались, поскольку возник конфликт между московской группой символистов и петербургской, главой которой был В. Иванов [11. С. 351].

В 1908 г. спор разгорелся вновь: А. Белый не может принять идеи В. Иванова, которые называет «неумными», «коварными и двусмысленными». А. Белый возражал В. Иванову устно (25 и 30 марта 1908 г.), ответы его нашел ответами «не по существу»; и письменно: в журнале «Весы» (1908 г., № 5 и № 10), В. Иванов отвечал ему соответственно («Весы», 1908 г., № 7 и № 11).

Складывается впечатление, что отношения между В. Ивановым и А. Белым не были безоблачными. По этому поводу Р.В. Иванов-Разумник писал: «Одно время, в 1904–1905 году, он (А. Белый — С.С.) поддается влиянию Вяч. Иванова, начинает говорить о вихревом водовороте пронизанных друг другом переживаний, слитых музыкаю в дионисийское пламя... мечтает о хороводах и тихих плясках», и разделяет мнение, что оркестра — необходимое условие мистерии — есть средоточие форм народного голосования» [12. С. 568]. Здесь Р.В. Иванов-Разумник почти дословно цитирует статью А. Белого «Апокалипсис в русской поэзии» (1905 г.). К этим словам добавим из непрочитованного: «Замечательно глубоко говорит Вяч. Иванов, что организация этих форм (т. е. «форм всенародного голосования» — С.С.) есть один из способов организации Любви» [13. С. 415]. По-видимому, здесь речь идет о любви к «Вечной женственности», которую вслед за И. Гете воспел В.С. Соловьев.

Однако идея мистерии вскоре развеивается, и для А. Белого В. Иванов становится «лжепроро-

ком», полагает Р.В. Иванов-Разумник [12. С. 568]. В статье «Настоящее и будущее русской литературы» (1907 г.) А. Белый ни разу не упомянул имени В. Иванова: он писал (в том числе) о В. Брюсове и Д. Мережковском. Но в ней есть слова, прямо передающие отношение к В. Иванову: «грошовое декадентство, рекламная соборность; все эти эротисты, мистические анархисты и прочие благополучно паразитируют на этом не до конца западничестве, не до конца народничестве» [13. С. 359].

Остро критические, даже саркастические, слова А. Белого о В. Иванове, находит Г. Адамович (Париж, 1938 г.): в книге «Воспоминаний» А. Белого («Начало века» — С.С.) написано следующее: «Ставши в России поэтом, почтенный профессор Иванов совсем обалдел, перепутавши жизнь с эпиграфикой, так что история культов от древних Микен до руин Элевзиса, попав из музея в салон, расцвела в чепуху. Видно, бросилась в голову кровь, застоявшаяся в семинарии» [Цит. по: Адамович Г. Андрей Белый и его воспоминания. В кн.: 12. С. 880].

Казалось бы, с отношением А. Белого к В. Иванову все понятно. Что ж Иванов? В статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1922 г.) В. Иванов анализирует, в том числе, статью А. Белого «Жезл Аарона — о слове в поэзии» [14]. У А. Белого речь идет о том, что современные понятие и образ можно сравнить с засохшим ростком, который в будущем должен

расцвести. Терминология затрудняет, умерщвляет русский язык. Но из мертвого слова родится новое, живое слово. Белый пишет: «Или мы онемеем навек, или снова словесность нам станет воистину герметическим культом» [Цит. по: 2. С. 635]. Похоже, что А. Белый ведет скрытую полемику против В. Иванова.

Белый пишет, что в настоящее время произошел «раскол» между «плотью» слова и его смыслом. Это противоречие должно быть преодолено. По мнению В. Иванова, А. Белый как символист остается «верным себе» [2. С. 635] в идее синтеза формы и содержания, а также духовного роста поэта.

Обозревая накопленный материал, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, весь свой творческий путь А. Белый и В. Иванов шли рука об руку (до отъезда В. Иванова в Рим в 1924 г.). Они признавали и ценили друг друга как теоретиков символизма и поэтов.

Во-вторых, отношения между ними были неоднозначными: начиная с 1905 г. А. Белый отходит от абсолютного признания идей В. Иванова, и его позиция становится все более критической.

В-третьих, с этого периода начинается полемика между А. Белым и В. Ивановым по проблемам творчества, то затухая, то разгораясь с новой силой. В этой дискуссии не было победителя и побежденного (у каждого была своя правда), но она сыграла заметную роль в развитии теории символа в русской эстетике начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Петербург. — Л.: Наука, 1981. — 696 с.
2. Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т.: Т. IV. — Брюссель: Foyer oriental Chretien, 1987. — 800 с.
3. Платон. Собр. соч. в 4 т.: Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
4. Белый А. Химеры // Весы. — 1905. — № 6. — С. 1–18.
5. Белый А. Разрозненные черновые материалы к статье «Вячеслав Иванов» (публикация Глуховой Е.В.) / В кн.: «Башня» Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. — СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — С. 115–132.
6. Глухова Е.В. Андрей Белый–Вячеслав Иванов: концепция духовного пути / В кн.: «Башня» Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. — СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — С. 100–115.
7. Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3 кн.: Кн. 2. — М.: Худож. лит., 1990. — 687 с.
8. Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т.: Т. I. — Брюссель: Foyer oriental Chretien, 1971. — 872 с.
9. Белый А. Сирин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). — Берлин: Скифы, 1922. — 24 с.
10. Иванов В.И. Родное и вселенское. — М.: Издание Г.А. Леманова и С.И. Сахарова, 1918. — 208 с.
11. Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. 1903–1919. — М.: Прогресс-Плеяда, 2001. — 608 с.
12. Андрей Белый: Pro et Contra. — СПб.: РХГИ, 2004. — 1048 с.
13. Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994. — 528 с.
14. Белый А. Жезл Аарона — о слове в поэзии // Альманах «Скифы». — 1917. — Т. I. — С. 155–212.

Поступила 20.06.2012 г.